

Пролог

Сейчас Чжан Вэйдун был совершенно спокоен. Спокоен так, как никогда в жизни.

Надев солнцезащитные очки, он в приличном официальном костюме и до блеска натертых туфлях сидел на изумрудной лужайке перед церковью и ел мороженое. Чжан Вэйдун ел молочный мини-пудинг — раньше такой стоил всего пять мао, а теперь подорожал до юаня, но на вкус оставался всё таким же приторно-сладким.

Он вспомнил, о чем мечтал в юности: оказывается, он всего лишь хотел наестся мини-пудингов до отвала. Какая глупость.

А еще — что если это желание сбудется, он готов отдать половину всех пудингов своему хорошему брату. Еще большая глупость.

Он не спеша доел мороженое, облизал палочку, воткнул ее вертикально в газон, поднялся, сунул руки в карманы брюк и зашагал к церкви неподалеку. Ударил колокол, спугнув хлопавшую крыльями стаю белых голубей, а оставленная им за спиной одинокая палочка от мороженого застыла словно надгробный памятник.

Вход в церковь был наглухо запружен репортерами, наготове стояли длинноствольные камеры и фотоаппараты — если не случится непредвиденного, завтрашние заголовки на развлекательных полосах газет пестрели бы репортажами об этой грандиозной свадьбе.

Словно привидение, Чжан Вэйдун обошел журналистов, ступил в церковь и пошел по усыпанной лепестками роз красной дорожке. Кто-то из гостей заметил его, в толпе пронесся испуганный возглас, следом зазвучало всё больше и больше изумленных голосов — Чжан Вэйдун мгновенно оказался в центре внимания, затмив даже жениха с невестой. Чжан Вэйдун знал: в глазах остальных он — всего лишь муха, испортившая бочку меда, а романтическая свадьба — это котелок с кашей, где ему не место и где его никто не ждет.

Главные действующие лица этой свадьбы, медиамагнат и экранная красавица, стояли у алтаря, идеально подходят друг другу.

Взгляд Чжан Вэйдуна скользнул по невесте и остановился на мужчине рядом с ней. Жених был облачен в ослепительно-белый свадебный костюм-тройку, прямой силуэт подчеркивал ладную фигуру, черты лица благородные и чистые, а в изящном облике сквозила уверенность элитного профессионала.

Лицо человека, а сердце зверя — мысленно дал ему оценку Чжан Вэйдун, снял очки и широко улыбнулся.

Жених по фамилии Сяо, звали его Цзюньгу, в этот момент тоже смотрел на Чжан Вэйдуна.

Лицо его оставалось бесстрастным, но в груди бушевал девятибалльный шторм, а во взгляде читалась глубокая и сложная смесь чувств.

Чжан Вэйдун держался спокойно, не совершая никаких неприличных поступков, зато невеста выглядела крайне встревоженной: то ли она среди бела дня увидела призрак, то ли на ее лице проступил оскал волчицы, защищающей волчат. Впрочем, она привыкла крутиться перед камерами, так что ей удавалось сохранять подобающее лицо. Сквозь стиснутые зубы она злобно процедила:

— Ты что здесь делаешь?

— А где, по-твоему, я должен быть? — Чжан Вэйдунь на секунду замер, а затем словно озарился догадкой: — Ах да, я же должен находиться в наркологическом центре.

Сяо Цзюньгу холодно бросил:

— Зачем ты пришел?

Чжан Вэйдун растянул губы в улыбке:

— Сегодня же твой счастливый день! У меня за всю жизнь был только один брат, разве я мог пропустить такое событие?

Голос Сяо Цзюньгу стал еще холоднее:

— Ты и вправду так думаешь?

В этот момент на возвышение поднялся облаченный в черную сутану священник в золоченых очках и напомнил, что пришло время произносить клятвы.

Жених и невеста встали друг напротив друга, все родственники и гости поднялись со своих мест.

Чжан Вэйдун заговорил на мгновение раньше священника:

— Сяо Цзюньгу, то, что ты обещал, всё еще в силе?

Сяо Цзюньгу замер, повернул голову и, сглотнув набежавшую слюну, ответил:

— Всё, что я тебе говорил, всегда остается в силе.

Уголки губ Чжан Вэйдуна растянулись еще шире, он медленно протянул левую руку ладонью вверх прямо к алтарю.

По церкви прокатился испуганный ропот. Сяо Цзюньгу глубоко вздохнул, сделал шаг вперед и сошел со ступенек.

Невеста вцепилась в рукав Сяо Цзюньгу, ее голос слегка дрожал:

— Что ты ему пообещал?

— Я сказал Дунцзы: стоит ему осмелиться прийти и сорвать свадьбу, как я сбегу с ним, — Сяо Цзюньгу отстранил невесту и тихо произнес: — Прости.

— Ты сошел с ума! — в ужасе вытаращила глаза невеста, после чего прикрыла рот рукой и зашептала: — Сяо Цзюньгу, ты спятил! Вокруг полно репортеров, понимаешь, он нарочно хочет тебя уничтожить! Возьми себя в руки.

Словно не слыша ее, Сяо Цзюньгу неотвратно шагнул с помоста и крепко сжал чужую, покрытую выступающими суставами ладонь.

Все собравшиеся гости и родственники всколыхнулись. Священная и торжественная церковь вмиг превратилась в шумный базар. Но Сяо Цзюньгу ничего не слышал и не видел — он чувствовал лишь тепло руки Чжан Вэйдун, которое нежным потоком вливалось в его сердце, и в эту секунду ему вдруг отчаянно захотелось заплакать.

В прошлый раз Чжан Вэйдун протягивал ему руку и улыбался так много лет назад, что это казалось воспоминанием из прошлой жизни.

Они стояли лицом к лицу, совсем близко, их дыхания смешивались в одно целое.

— Пойдем... — Сяо Цзюньгу успел выговорить лишь два слова, как голос его внезапно оборвался.

В этот самый момент Чжан Вэйдун выхватил правую руку, до этого прятанную в кармане, зажав в ней сверкающий острый нож, и, не моргнув глазом, вонзил лезвие в живот Сяо Цзюньгу. Вытащил — и снова ударил, прямо в грудь. Его сердце было спокойно, движения — точны и сильны, белое лезвие вошло, а красное вышло, без лишних колебаний и заминок.

Он хотел убить Сяо Цзюньгу. Собственноручно. Когда любовь и ненависть обратились в прах, а душа онемела до тупой боли, он просто сосредоточенно доводил дело до конца — точно так же, как бесчисленными вечерами корпел над аранжировками и текстами песен при свете лампы, не испытывая ни гнева, ни скорби.

Среде криков и воплей Сяо Цзюньгу рухнул на пол.

Он упал на багровый, как кровь, ковер, раскинув руки, глядя на росписи с изображением Богородицы и ангелов на церковном куполе, и глаза его наполнились слезами.

Губы Сяо Цзюньгу задрожали, и он подумал: «Дунцзы, неужели ты так сильно меня ненавидел? Настолько, что готов был погубить и себя?»

Затем его взгляд постепенно расфокусировался, и сквозь невыносимую боль он погрузился во тьму.

Прежде чем на него набросились и прижали к полу, Чжан Вэйдун выпрямился во весь рост и с безмятежным выражением лица посмотрел сверху вниз на окровавленного Сяо Цзюньгу в белом костюме.

Сяо Цзюньгу умер, а значит, он обрел освобождение и свободу.

Возможно, впереди его ждет тюрьма или смертный приговор, но ему было всё равно. Лишь бы избавиться от этого мужчины, который как ночной кошмар преследовал его больше десяти лет — ради этого он готов был отправиться даже в ад. Ведь только духовная свобода — это истинная свобода...

Глава 1

Три года назад, район Тяньхэ, Гуанчжоу.

Чжан Вэйдун был вне себя от ярости. Он разорвал нотные листы пополам, швырнул наушники и с ноги снес пюпитр.

Стоявшие рядом звукорежиссер и музыкальный продюсер не смели и слова сказать в утешение: хотя за пределами индустрии Чжан Вэйдун был не столь знаменит, в кругах о нем ходила дурная слава. Он слыл общеизвестной пороховой бочкой, не выносящей ни малейшего раздражения, — безумным псом, способным открыто обругать всех подряд на пресс-конференции!

Чжан Вэйдуну было плевать, что о нем думают другие. Швырнув ноты на пол, он яростно растоптал их ногами и со злостью выругался, сдвинув брови к переносице:

— Какого черта! Что за гребаную херню мне подсунули?

Звукорежиссер и продюсер переглянулись, не зная, как с ним совладать.

В этот момент дверь отворилась и вошла деловая женщина-менеджер. Поправив очки на переносице, она прямо заявила:

— Это песня, которую ты должен записать сегодня.

— Почему мне говорят об этом только сейчас? — потребовал ответа Чжан Вэйдун.

— Ты же сможешь спеть ее, просто взглянув на ноты, верно? — менеджер бросила взгляд на обрывки бумаги на полу и продолжила: — Раз уж ты с ними ознакомился, давай приступать к репетиции. Сегодня трек должен быть записан.

Гнев Чжан Вэйдуна достиг предела:

— Это всё устроил Сяо Цзюньгу?!

— Верно, это воля генерального директора Сяо...

— Да ехал я его предков! — не дав ей договорить, Чжан Вэйдун смачно плюнул на пол и стремительно вышел из студии.

Он чувствовал себя главным дураком на свете! Круглым идиотом! Как он мог поверить обещаниям Сяо Цзюньгу и решить, что у него наконец появится шанс запеть? Он ворочался всю ночь напролет, а рано утром сломя голову примчался в студию — ну просто гигантский олух!

Добра еспрёсе до подземной парковки, Чжан Вэйдун глянул на часы: рабочий день уже закончился. Он решил ехать прямо к Сяо Цзюньгу домой.

Заведя серебристо-серый «Хаммер», он из-за кипевшей в груди злости вжав педаль газа в пол. Однако скорость не увеличивалась — стрелка на спидометре упрямо замерла на отметке восемьдесят километров в час. Черт побери! У Чжан Вэйдуна от ярости покраснели глаза, и он вспомнил: на эту колымагу установили ограничитель скорости!

Эту машину ему велел водить лично Сяо Цзюньгу, лицемерно назвав ее подарком на день рождения. В звукозаписывающую студию его тоже притащил Сяо Цзюньгу под предлогом исполнения мечты. Крутя руль, Чжан Вэйдун скрипел зубами от злости — он больше не мог терпеть этого фальшивого типа! Человека, который стремился контролировать его во всем, каждую секунду и на каждом шагу!

Чем больше Чжан Вэйдун думал об этом, тем сильнее злился. Ему отчаянно хотелось выехать на встречную полосу и врезаться лоб в лоб вон с тем грузовиком, который он только что обогнал!

Но у него еще были близкие, о которых нужно заботиться, к тому же, даже умерев, он не пожелал бы остаться должным Сяо Цзюньгу ни единой монеты!

Сяо Цзюньгу выплатил за него огромный долг ростовщикам при условии, что Чжан Вэйдун станет его тайным любовником сроком на пять лет. Тот даже предупредил его: «Запомни, ты стоишь два миллиона только живым. Если посмеешь устроить мне убыточный бизнес, я разрою могилы твоих родственников и сделаю так, что ты не сможешь умереть с миром!»

Однако прошло всего чуть больше года, а Чжан Вэйдун уже чувствовал, что сходит с ума — каждый день тянулся как год.

Когда стемнело, Сяо Цзюньгу все еще не вернулся.

Чжан Вэйдун сидел на диване, обхватив голову руками, — в висках непрерывно пульсировала тупая боль. Прижав указательный палец к губам, он впился в него зубами до крови, но гнетущее чувство в груди так и не отступило. Внезапно вскочив, Чжан Вэйдун выругался матом и с размаху пнул диван.

В прихожей зажегся свет — вошел Сяо Цзюньгу. На руке у него висело пальто, галстук был развязан, воротник рубашки расстегнут, от него разило алкоголем. Увидев Чжан Вэйдуна, он на секунду замер:

— Оказывается, ты здесь. Почему не позвонил мне заранее? Чжан Вэйдун бросился вперед, впечатал Сяо Цзюньгу в дверную панель и схватил за воротник:

— Тебе весело? Тебе так весело было водить меня за нос, как обезьяну?

Сяо Цзюньгу совершенно спокойно спросил:

— Что опять не так?

— Ха, прикидываешься дурачком? Ты обещал, что я буду петь, и где результат?

— Я не нарушил слово. Разве ты сегодня не ходил в студию звукозаписи?

— Чертовщина! Я хочу петь рок! Петь песни собственного сочинения! А не те пустые попсовые песенки, рекламные джинглы, что ты мне навязываешь, тьфу!

Сяо Цзюньгу покачал головой:

— Нельзя.

Чжан Вэйдун яростно уставился на него, взмахнул кулаком. Его грудь тяжело вздымалась, словно внутри бушевал извергающийся вулкан.

Сяо Цзюньгу с бесстрастным выражением лица смотрел на это лицо, оказавшееся совсем близко. У Чжан Вэйдуна от природы была эффектная внешность: тонкие губы, высокий нос, брови мечом. Из-за выступающих надбровных дуг его глаза казались еще глубже, и даже в минуты ярости нельзя было отрицать, что он поистине красивый мужчина.

Вот только выражение лица было чересчур свирепым, он то и дело скалил зубы, в точности напоминая гордого, необузданного дикого волка.

— Босс, я больше не буду петь, так устраивает? Все равно здесь всё решаешь ты. Не позволяешь петь рок — ладно, но и заставить меня открыть рот для других песен ты даже не мечтай! — Чжан Вэйдун размахнулся и шлепнул его по щеке, резко развернулся и со всего маху пнул встроенный обувной шкаф, так что тот перекошило.

В течение следующих получаса Чжан Вэйдун превратился в разъяренного зверя, разгромивший огромную гостиную до неузнаваемости.

Стеклянный журнальный столик разлетелся вдребезги, книжный шкаф рухнул, даже небольшой бар у стены не избежал общей участи: все бокалы и коллекционное вино с полок были разбиты вдребезги. Разрушительная сила Чжан Вэйдуна поражала воображение, вся гостиная была завалена обломками и превратилась в сплошные руины.

Сяо Цзюньгу холодно наблюдал за его безумием, скрестив руки на груди, прислонившись спиной к деревянной двери, и выкурил три сигареты.

Наконец, выдохшись от погрома, Чжан Вэйдун уперся рукой в подрагивающий синий аквариум, тяжело и прерывисто дыша. Он собирался следом разнести вдребезги и этот аквариум с тропическими рыбками — все они, как и он сам, были лишь запертыми в неволе существами, и оттого мозолили глаза пуще прежнего.

Сяо Цзюньгу подошел, вплотную прижавшись к его спине, одной рукой расстегивая ремень его брюк, а другой задирая рубашку:

— Сегодня пятница.

Чжан Вэйдун замер на мгновение, собираясь дать отпор, и его покрасневшее от гнева лицо мгновенно побледнело.

Лишь спустя долгое время он сквозь зубы процедил:

— Покончим с этим побыстрее.

— Иди поставь диван на место, снимай штаны, я отымею тебя прямо на нем, — произнес Сяо Цзюньгу. Чжан Вэйдун закрыл глаза, вынужденный подчиниться его требованию. Обнаженный ниже пояса, в крайне унижительной позе, он лежал ничком на темно-красном диване.

После необходимой смазки и растяжки Сяо Цзюньгу надел презерватив, обхватил его за талию и медленно вошел внутрь.

Эта близость, как и всегда, была лишь односторонней разрядкой для Сяо Цзюньгу. Чжан

Вэйдун крепко зажмурился, закусил губу и, словно мертвец, молча терпел удары сзади. Кончив, Сяо Цзюньгу вытащил его, некоторое время молча тяжело дышал, а затем принялся сам себя ласкать. Дождавшись, пока он снова возбуждётся, он перевернул Чжан Вэйдуну на спину, закинул его длинные ноги себе на плечи и вошел в него глубоко спереди.

Надрывно двигая бедрами в ритм толчкам, Сяо Цзюньгу расстегнул его рубашку. У Чжан Вэйдуну было крепкое, сильное тело атлета: развитые грудные мышцы, рельефный пресс, здоровый бронзовый оттенок кожи, на ощупь невероятно упругой. Из-за выступившего пота кожа стала еще более гладкой и от нее исходил неповторимый мужской мускусный запах.

Сяо Цзюньгу зарылся носом в его шею, ущипнул за сосок и принялся легко разминать, хрипло пробормотав:

— Дун-цзы...

Верхняя половина тела Чжан Вэйдуну уже свесилась с края дивана, и теперь он смотрел на телевизор вверх тормашками, и в его глазах не было ни капли вождения — лишь одно отвращение. Сяо Цзюньгу давно привык к такому взгляду; получая удовольствие сам по себе, он без передышки долбил его добрых тридцать-сорок минут, пока наконец полностью удовлетворенный не достиг пика.

Сяо Цзюньгу еще тонул в послевкусии, когда его оттолкнули. Чжан Вэйдун приподнялся и поспешно бросился в ванные комнаты.

Вскоре из ванной донесся шум воды и звуки рвоты.

Зажав в зубах сигарету после секса, Сяо Цзюньгу прислонился к косяку ванной:

— Дун-цзы, прошло уже больше года, как ты до сих пор не привык?

Чжан Вэйдун стоял на коленях перед унитазом, вытирая рот, и, выпрямившись, посмотрел на него глазами, полными нескрываемой ненависти:

— Ты до омерзения противен, тварь!

Сяо Цзюньгу пожал плечами, совершенно не обращая внимания на его ругань.

Черная пятница — с тех пор как Чжан Вэйдун продал себя Сяо Цзюньгу, этот день стал для него синонимом мучений.

Вообще-то в самом начале всё было иначе. Сяо Цзюньгу то и дело появлялся перед ним, по делу и без звал его куда-нибудь под самыми разными предлогами, и даже завтрак, обед и ужин служили отличным поводом, а уж звонил он по пустякам едва ли не по нескольку раз на дню. Это довело Чжан Вэйдуну до крайности. Он не мог выносить Сяо Цзюньгу: в его глазах этот человек походил на покрытое слизью, сочащееся мерзкими нитями инопланетное

чудовище. Если бы Чжан Вэйдун попытался по-настоящему внимательно присмотреться к нему, его бы тут же стошнило.

Во всем поднебесье нашелся лишь один человек, способный вызвать у него столь жуткое отвращение — Сяо Цзюньгу, но этот же человек по странной иронии судьбы был его спонсором!

В конце концов, потерявший всякое терпение Чжан Вэйдун сорвался и потребовал видаться всего один раз в неделю.

Сяо Цзюньгу, разумеется, не соглашался, даже с легкой долей легкомыслия бросив: «Вэйдун, я бы с радостью засунул тебя в карман и носил с собой повсюду».

Чжан Вэйдун отвернулся, не желая смотреть на него. Его плечи дрожали, он изо всех сил пытался сдержать эмоции, и даже голос зазвенел от гнева: «Ты хочешь довести меня до смерти...»

Сяо Цзюньгу умолк. Пусть он и не видел лица Чжан Вэйдуна, по тону и дыханию он отчетливо уловил отвращение и раздражение собеседника.

Он медленно опустил ресницы и тяжело вздохнул: «Один день в неделю. Захочешь поторговаться еще — вернемся к прежнему порядку».

Чжан Вэйдуну оставалось лишь смириться. С тех пор каждую пятницу он был вынужден оставаться на ночевку в доме Сяо Цзюньгу и покидал его лишь на следующее утро — только тогда его мучения наконец заканчивались. Глубоко презирая Сяо Цзюньгу, Чжан Вэйдун неизменно обращался с ним как с пустым местом, стараясь лишний раз не раскрывать рта. Когда они оставались наедине, атмосфера неизменно царила мрачная и угнетающая.

Сяо Цзюньгу готовил нехитрый ужин по-заморски. Они молча ели, усаживались перед телевизором, а когда наступала глубокая ночь, гасили свет и ложились спать. Сяо Цзюньгу больше не нарывался на неприятности и не пытался притянуть его к себе, поэтому они спали спиной друг к другу — под одной крышей, но с совершенно разными мыслями — и так переживали еще одну тихую ночь.

Ранним утром, переступив порог дома Сяо Цзюньгу, Чжан Вэйдун первым делом делал глубокий вдох: рядом с этим человеком он словно чувствовал, как на его шее затягивается петля.

Слишком тяжело, слишком невыносимо. Если бы Сяо Цзюньгу не согласился видаться всего по разу в неделю, он, пожалуй, и впрямь мог бы наложить на себя руки.

Аура Сяо Цзюньгу была слишком давящей. Даже сидя рядом и глядя прямо перед собой, Чжан

Вэйдун мог не бросить на него ни единого взгляда, но в глубине души все равно не мог игнорировать его присутствие — а сама эта призрачная аура уже несла в себе незримое бремя.

Едва Чжан Вэйдун уселся в машину, как зазвонил телефон его расторопного менеджера: «В девять утра, третий павильон, будь на месте вовремя».

Бросив в ответ короткое «знаю», он сбросил вызов.

У Чжан Вэйдуна были менеджер и помощник.

Менеджером была Чжоу Ли, чье прозвище «Железная Леди» только что высветилось на экране, а помощника звали Сяо Ба — круглый дурачок, который целыми днями ходил с донельзя счастливой физиономией. Оба были приставлены к нему самим Сяо Цзюньгу: Чжоу Ли вела все его рабочие дела, а Сяо Ба слонялся хвостом повсюду и выполнял мелкие поручения. По сути, это напоминало то, как древние императоры внедряли двух верных людей к любимому царедворцу, чтобы те неотступно следили за ним и пресекали любые попытки бунта.

Так что каждое его движение находилось под неусыпным контролем Сяо Цзюньгу. Твою ж мать!

Подъехав к съемочной площадке, он едва открыл дверцу автомобиля, как Сяо Ба тут же радостно бросился ему навстречу, прищурив маленькие глазки: «Брат Ань, с добрым утром! Как спалось?»

Чжан Вэйдун холодно покосился на него и даже не удостоил ответом.

По субботам настроение у Чжан Вэйдуна всегда было скверным, и Сяо Ба давно к этому привык. Пробежав вперед пару шагов, он принялся указывать дорогу в гримерку.

Пока его гримировали, Чжан Вэйдун сидел с киносценарием в руках, бегло просматривая сегодняшние сцены и реплики. Память у него была отменная, так что он привык полагаться на экспромт и учить все в последний момент — проще говоря, относился к делу спустя рукава. За исключением музыки, Чжан Вэйдуна вообще мало что волновало, а уж подобные современные мелодрамы о браке и любви и вовсе вызвали глухое раздражение: весь сюжет крутился вокруг бесконечных сходов, расставаний и слез, от которых сводило скулы.

Пролежав всю ночь на одной кровати с Сяо Цзюньгу, он толком не сомкнул глаз, чувствовал себя совершенно разбитым и никак не мог настроиться на работу.

Поэтому, когда настала его очередь и его усадили перед камерой, взгляд Чжан Вэйдуна блуждал где-то в стороне, словно из него вынули душу. Одну и ту же сцену запороли дублей шесть или семь.

Режиссер, мужчина лет сорока, и до этого был не в восторге от рабочего настроения Чжан Вэйдун, но поскольку персонаж ему достался второстепенный, тот сквозь пальцы смотрел на его огрехи и не требовал выдающейся игры. Однако сегодня чаша его терпения переполнилась: режиссер сам написал сценарий, возлагал на сериал огромные надежды и всей душой хотел снять его безусловно, но угораздило же его столкнуться со столь недобросовестным актером.

Съемку приостановили. Режиссер позвал Чжан Вэйдун в костюмерную для серьезного разговора — отчасти ради того, чтобы хоть немного сберечь его репутацию.

Но Чжан Вэйдун и не думал с ним церемониться. Крайне раздраженно он бросил: «Хватит мне тут зубы заговаривать! Сегодня у меня и впрямь нет настроения. Если тебя что-то не устраивает, сдвинь мои сцены на потом,ними пока кого-нибудь другого».

Лицо режиссера помрачнело: «Чжан Вэйдун, ты думаешь, сцены можно двигать по одному твоему щелчку? Кто здесь режиссер? В следующем месяце сериал уже сдавать, а ты мало того что срываешь график, так еще и подставляешь всю съемочную группу. Нельзя же быть настолько безответственным!»

<http://bllate.org/book/20766/2083738>